

политическом дискурсе России последнего десятилетия XX века, бросается в глаза снижение частотности употребления первого понятия и переосмысление второго, которое, в свою очередь, стало использоваться в контексте *трудо-вые коллективы* – рабочая сила предприятий, а благодаря процессу приватизации и вовсе вышло за рамки семантического поля политики. Не вызывает сомнения тот факт, что в метафорически представленном понятии *силовики* воспроизведена «перцептивная выделенность», характерная для парных антонимичных прилагательных, в данном случае обозначающее силу, а сочетание *управляемая демократия* отображает фонетически несвойственную славянским языкам структуру, характерную для традиционной России. Эти примеры являют собой лишь отдаленные отголоски прошлых метафор, связанных с недемократическим правлением, они предвещают столь же медленное движение с множеством провалов и неудач, свойственных процессу развития любого демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ayalon A. Language and Change in the Arab Middle East: The Evolution of Modern Political Discourse. New York, 1987.
- Chernykh P. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo iazyka. Moskva: Russkii iazyk, 1993. Vols. I, II.
- Errington J.J. Language and Social Change in Java: Linguistic Reflexes of Modernization in a Traditional Royal Polity. Athens, Ohio: Ohio University, Center for International Studies, 1985.
- Givon T. Mind, Code, and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1989.
- Hughes G. A History of English Words. Oxford: UK, Blackwell, 2000
- Irvine J.T. Registering Affect: Heteroglossia in the Linguistic Expression of Emotion // Language and the Politics of Emotion / Catherine A. Lutz and Lila Abu-Lughod (eds.). Cambridge, 1990.
- Judge J. Print and Politics: "Shibao" and the Culture of Reform in Late Qing China. Stanford, 1996.
- Kramer S. N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character Chicago: Chicago, 1963.
- Onions C.T. (ed.) The Oxford Dictionary of English Etymology. New York: Oxford, 1966.
- Prokhanov A. A ty gotov postoiat' za Rossiю? // Den', 1992, 25-31 Oct.
- Protchenko I. Leksika i slovoobrazovanie russkogo iazyka sovetskoi epokhi: sotsiolingvisticheskii aspekt / 2nd expanded edition. Moskva, 1985.
- Raeff M. La Noblesse et le discours politique sous le regne de Pierre le Grand // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1993. Vol. 34 (1-2). P. 33-46.
- Schloen J.D. The House of the Father as Fact and Symbol: Patrimonialism in Ugarit and the Ancient Near East. Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2001.
- Sergeyev V., Biryukov N. Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture. Brookfield, Vt.: E. Elgar, 1993.
- Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo iazyka. Moskva-Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1959.
- Strang B. A History of English. London, 1970.
- Szarzyńska K. Archaic Sumerian Standards // Journal of Cuneiform Studies. 1996. Vol. 48. P. 1-15.
- Unger J.M. Literacy and Script Reform in Occupation Japan. New York: Oxford, 1966.
- Wieczynski J.L. (ed.) The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, Fla., 1976/1980.
- Ziuganov G.A. Vernost'. Moskva: Molodaia gvardiia, 2003.
- © Ричард Д. Андерсон, 2007
© Белов Е.С. (перевод), 2007

Бантышева Л. Л.
Симферополь, Россия
**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА НАЧАЛА XX ВЕКА:
ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ**

Abstract

The author describes a variety of scientific traditions and methods that are applied to the study of the vocabulary used in social political discourse in the beginning of the XX century. The author proves the importance of the first period that influenced the formation and further development of sociopolitical vocabulary. Another aim is to analyze the semantic structure of such lexemes and its representation in dictionaries issued before 1917.

***

Исследование общественно-политической лексики представляет большой лингвистический интерес. В связи с возросшей ролью к исследованию политической коммуникации, к анализу закономерностей коммуникативной деятельности, в настоящее время возрастает внимание к изучению политической лексики. Несмотря на большое количество трудов, разнообразие тематик и областей исследования общественно-политической лексики, ряд задач остается нерешенным. Так, установление временных рамок развития политического словаря, определение тематических границ, а также лексикографическое представление вербального политического пространства нуждаются в дальнейших разработках.

Как известно, лексический ярус является наиболее чувствительным к изменениям в языке. При этом процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, в чем и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической, государственной). Совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения лексики на каждом этапе ее развития. Именно в сфере политической лексики наблюдаются существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами.

Цель и задачи статьи: 1. Определить значимость первого этапа (1917 – нач. 1950-х гг.) в становлении и развитии общественно-политической лексики и его влияние на эволюцию политического словаря. 2. Провести семантический анализ толкования лексических единиц политического содержания в лексикографических изданиях дореволюционного периода.

Исторический подход к изучению фактов политической сферы языка позволяет определить традиционную периодизацию изучения общественно-политической лексики.

На первом этапе 1920-1930-х гг. было характерно исследование изменений в лексической и в стилистической системах языка послереволюционного времени (А.Баранников, Г.О.Винокур, С.И.Карцевский, Е.Д.Поливанов, А.М.Селищев, П.Я.Черных, Р.О.Якобсон). Кроме того, в исследовании общественно-политической лексики послереволюционного (советского) периода рассматривалась преемственность в развитии лексики дореволюционного и послереволюци-

онного времени, основные тенденции в развитии политического слова, поднимались вопросы семантики отдельных политических единиц. В 1930-1940-е гг. лингвистами описывались языковые системы различных социальных групп в рамках национального языка (В.М. Жирмунский, Н.Я. Марр, Л.П. Якубинский). При этом в исторической лексикологии отмечается, что внимание к общественно-политической лексике послереволюционного периода в конце 1930-х гг. – нач. 1940-х гг., а также к изучению новых явлений в русском языке послереволюционного времени ослабело в связи со стабилизацией языковой системы [Мещерский 1967: 7]. Коммуникативно-функциональная научная парадигма определила новое направление в лингвистике – политическую коммуникацию и вместе с тем выделила общественно-политическую лексику в новых методах изучения. Так, общественно-политическая лексика 1950-1980-х гг. изучалась в аспекте политической коммуникации (Г.З. Апресян, Ю.А. Бельчиков, Н.Н. Введенская, В.Г. Костомаров, В.В. Одинцов, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик) [Чудинов 2003: 23].

Существуют различные точки зрения на выделение этапов развития политической лексики.

Традиционно в лингвистической практике выделяют два основных этапа: 1) 1917 – нач. 1950-х гг. XX в. (А. Баранников, Г.О. Винокур, С.И. Карцевский, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.); 2) нач. 1950-х гг. – конец 1990-х гг. (А.Н. Баранов, А.Л. Голованевский, Ю.Д. Дешериев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, И.Ф. Протченко и др.). Исследования последнего десятилетия позволяют выделить третий этап развития политической лексики – постсоветский (О.П. Ермакова, Л.А. Жданова, Е.А. Земская, Н.А. Купина, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик, И.А. Стернин и др.). Специфика современной языковой эпохи заключается в свободе от разного рода ограничений, разрушении советских стереотипов мышления, в отказе от установлений тоталитарного режима [Земская 2000: 90].

В последние десятилетия в современной политической лингвистике о выделении периодов развития общественно-политической лексики, об определении понятия, о семантике политических слов, о некоторых аспектах лексикографического отображения, о тенденциях в развитии политического пространства советской эпохи, а также о смене общественно-политической парадигмы пишут Ф.С. Бацевич, О.И. Воробьева, А.М. Григораш, О.П. Ермакова, О.В. Загоровская, Е.А. Земская, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.Ю. Кашаева, И.М. Кобозева, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Т.Б. Крючкова, Н.А. Купина, В.М. Лейчик, О.А. Семенов, Л.Н. Синельникова, П.Б. Паршин, Г.Н. Складневская, И.А. Стернин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др. Большое количество научных работ свидетельствует о том, что процессы, рассматриваемые как состав общественно-политической лексики, так и ее характеристики, привлекают внимание многих исследователей, изучающих современ-

ное состояние языка. Действительно, решение проблемы семантических изменений политического слова в последние десятилетия развития языка невозможно без специального изучения общих особенностей семантики политических единиц предшествующих периодов.

Несмотря на то, что политическая лексика как объект исследования привлекала внимание отечественных языковедов только в первые послеоктябрьские годы в связи с событиями 1917 года, первым из отечественных лингвистов обратил внимание на этот разряд лексики И.А. Бодуэн де Куртене в работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» (1871), выделив как психический, так и социальный аспекты языка [19].

Предполагаем, что общественно-политическая лексика 1920-1940-х гг. формировалась в предреволюционное время, когда происходили явления, определившие важные особенности политического словаря. Как замечает С.И. Карцевский, уже 1905 г. оставил после себя «некоторое лингвистическое наследие в виде целого ряда слов, частью новых, частью мало известных... Слова эти были, главным образом, политические термины, появившиеся для обозначения новых политических явлений» [История России 2003: 207]. По мнению ученого, появлению новых слов способствовала деятельность социалистических партий 1905 г.: *анархизм, анархист, буржуазия, бюрократия, демонстрация, демократия, кампания, интернационал, кворум, комитет, лозунг, мандат, манифестация, марксизм, митинг, муниципализация, провокатор, прокламация, пролетариат, пролетарий, социализм, социалист-революционер, социалист-демократ, террор, фракция, штрейк-брехер, экспроприация* [Карцевский 2000].

Политическая лексика и семантические процессы дореволюционного времени нашли отражение в лексикографических изданиях общественно-политического характера. К ним относятся «толкователи» и словари политических, социальных терминов [Словарь академии российской...; Словарь русского языка...; Толковник политических слов...]. Как отмечает А.Л. Голованевский, в дореволюционные годы вышло 42 издания (словари иностранных слов, политические энциклопедии, справочники и толкователи политических терминов). Исследователь выделяет идеологическую направленность изданий, т.к. «за истолкованием общественно-политической лексики проявляется классовое мировоззрение их авторов», проводит идеологическую типологию словарно-справочных изданий, разделяя их на официально-консервативные, либеральные, революционно-демократические и промежуточные между тремя основными направлениями [Голованевский 1986: 26]. Такая дифференциация изданий связана с тем, что трактовка общественно-политических слов в источниках зависит от идеологических установок, существующих в дореволюционный период. Приведенная типология словарей весьма закономерна, т.к. отражает реальное состояние лексики в конкретные исто-

рические моменты.

Словари дореволюционного издания включают политически и социально маркированные слова, отличающиеся коммуникативной значимостью и высокой степенью частотности функционирования в деловом языке. Так, лексические единицы с идеологической семантикой мы находим в «Словаре русского языка» (1895-1934): *автократия, агитация, бюрократизм, власть, вождь, гегемония, двоевластие, декларация, декрет, крестьянство, забастовка, диктатор, забаллотировывать, заговор, законность, законодательство, законопроект, легитимация, европеизация, единство, капитализм, коллегия, делегат, космополитизм, анархия, конъюнктура, лагерь, либерал, либерализм, лидер, марксизм, недоверие, коллективизм*. Отметим, что зафиксированные дореволюционными словарями лексические единицы с идеологическим компонентом повлияли на состав послереволюционного лексикона.

«Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный» (1806-1822) содержит слова социально-политического содержания, в семантической структуре которых присутствует политический компонент: *держава, коллегия, президент, единодержавие, империя, крестьянство, мятеж, политика, народ, конгресс, кандидат, коронование, правительство, собрание, угнетение, самовластие, самодержавие, свобода, дума, консульство, указ, чиновник, полномочие, подданство, избиратель, капиталист*.

«Толковник политических слов и политических деятелей» (1917) фиксирует наиболее употребительные политические термины, относящиеся к государственному устройству, отношениям между государствами и т.д. Следует отметить, что в толковник включены однозначные слова в основном с терминологическим значением: *агитация, анархия, аристократия, бюрократия, государство, государственная дума, декабристы, дворянство, демократия, империализм, коалиция, монархизм, парламент, патриотизм, республика, референдум, сенат, социализм, террор, тирания, штрейкбрехер, четвертое сословие*.

Семантика общественно-политической лексики послереволюционного времени отражает в своем становлении все особенности идеологического освоения политического словаря, которые проецируются на языковые закономерности его развития.

Отдельные лексикографические издания дореволюционного времени (1806-1917) включают слова как с однозначным терминологическим значением, так и лексические единицы с полисемантической расширенной структурой, что позволяет сделать вывод об отмеченной тенденции разграничения общественно-политической терминологии и общественно-политической лексики (*агитация, гегемония, демократия, единовластие, империализм, социализм, тирания, анархия, свобода, самодержавие, сословие, демагогия, космополитизм, автократия, аристократия, держава, единоголосие, собрание, совет, сенат, указ, абсолютизм, бюрократия, граница, власть, декларация, гражданин, вождь, бунт, лагерь, дипломатия,*

диктатор и др.) [Словарь академии российской...; Словарь русского языка...; Толковник политических слов...]. Так, словарь 1895 года отмечает слова с яркой идеологизированностью, напр., *автократия* – неограниченная верховная власть, самодержавие [9]. *Двоевластие* – 1. существование двух самостоятельных верховных властей в одном управлении. 2. иногда употребл. в смысле предоставления одному органу власти функций административных и судебных [972-973]. *Власть* – 1. право, сила или возможность действовать по своей воле или по обязанности // закон определяет власть каждого должностного лица // человек во власти, у власти, облеченный властью, влиятельный. 2. сила, могущество. 3. то же что должность. 4. начальство; лицо, облеченное властью, особенно мн. [441]. Ср., *Политика* – 1. наука, преподающая управляющим народами правила к достижению предполагаемых намерений. 2. в просторечии: учтивость, искусство обходиться с людьми (1822) [1430]. *Тирания* – крайний произвол и насилие. Может быть тирания правительства, а может быть тирания какой-нибудь партии или части населения, когда она заберет в свои руки власть и силой заставит других повиноваться (1917) [60]. *Либерализм* – политическое, общественное и др. направление, основанное на стремлении к свободе; свободомыслие (1928) [531].

Заметим, что в дореволюционных словарях намечается формирование политического разряда лексики по определенным тематическим (Государство, Политика, Экономика) и лексико-семантическим группам: названия политических движений, течений, направлений (*империализм, социализм, марксизм, маккиавелизм, либерализм, космополитизм, бюрократизм, европеизация*); названия общественно-политических групп, объединений (*коллегия, лига, коалиция, парламент, сенат, дума, фракция*); наименование форм государственного устройства, организации власти (*республика, тирания, монархия, гегемония*); обозначения политических акций, действий (*митинг, бунт, мятеж, забастовка, агитация, манифестация, заговор, выборы, кризис, раскол, абсентеизм, недоверие*); документы (*декрет, приказ, указ, декларация*), наименование членов и сторонников политических течений, направлений (*либерал, марксист, диктатор, космополит*) и др. [Словарь академии российской...; Словарь русского языка...; Толковник политических слов...]. В словарях этого периода выделяются языковые единицы, которые образуют ядро политического словаря, функционирующего в лексическом пространстве советского периода. Ядро политической лексики составляют такие ключевые политические понятия, как *власть, государство, демократия, идеология, общество, политика* и др.

Таким образом, словарно-справочные издания дореволюционного времени являются важным источником для наблюдения за историей распространения и семантического развития политических слов. Отметим, что издания имеют лексикографическую ценность, т.к. в них впервые включена группа слов с терминологическим значением. Как отмечают лингвисты, именно в предреволюционный период имели место процессы, которые определили характер

состояния, особенности развития и становления политической лексики послеоктябрьского времени. Известно, что предреволюционный период – это период активной деятельности демократов и появления большевистской идеологии. Этот социально-общественный фактор и обусловил активное употребление политической лексики в послеоктябрьский период. «Большевики отдавали предпочтение революционным формам борьбы, отвергая реформаторский курс и были уверены, что в России возможны пролетарская революция и быстрый переход к социализму» [История России 2003: 356]. Активность социалистических партий 1905 г. отразилась на языке, на формировании политической терминологии, представленной словами из обиходного жаргона партий социал-демократов и социал-революционеров (*бюрократия, демократия, комитет, конференция, партия, провокатор, социал-демократ, социализм, террор, штрейкбрехер и др.*) [Карцевский 2000: 230-231]. В десятилетия, предшествовавшие революции, происходили глубокие изменения не только в сфере языка, но и во всех важнейших областях общественной жизни. Отечественная лингвистика первой половины XX в. достаточно ярко отразила языковые особенности предреволюционной русской культуры (Г.О. Винокур (1929), В.М. Жирмунский (1936), С.И. Карцевский (1923), Л.П. Якубинский (1931). С.И. Ожегов отмечает, что именно «в недрах передовой и прежде всего партийно-коммунистической общественности дореволюционного времени зарождалось то словоупотребление, та терминология, те продуктивные словообразовательные способы, которые послужили одной из основ многочисленных изменений в словарном составе русского языка после революции» [Ожегов 1953: 75].

Таким образом, именно дореволюционный период, содержащий процессы обогащения и пополнения лексического пространства, является важным для последующего формирования политического словаря.

Как показывает анализ научной литературы, объектом исследования лексики послереволюционного периода выступал как весь пласт общественно-политической лексики, так и ее отдельные тематические поля. Источниками изучения развития общественно-политической лексики советского периода являлись материалы партдокументов, государственные законодательные акты, периодическая печать и немногочисленные лексикографические издания (А.С. Белая, А.Л. Голованевский, Л.В. Жукова, С.Г. Капралова, А.Т. Колганова, Л.Н. Красильников, Т.Б. Крючкова, Н.А. Купина, С.И. Ожегов, А.М. Погребняк).

Послереволюционный период можно считать новым этапом в истории русского литературного языка и в развитии общественно-политической лексики. Именно в этот период формировались процессы, которые определили характер состояния, особенности общественно-политической лексики последующего этапа ее

развития. Как отмечает А.М.Селищев (1928), «после революции 1917 г. языковые черты... стали распространяться интенсивно, проникая в широкие слои городского населения, фабрично-заводского и отчасти деревенского. Вместе с тем пережиты изменения в значении и содержании тех или иных терминов. Значительное отличие языка революционного времени после 1917 года от языка более раннего времени заключаются в том, что появились новые термины, новые слова в связи с новыми явлениями, предметами, относящимися к 1917 и последующим годам» [27]. Несомненно, революция 1917-го г. оказала большое влияние на лексическую и стилистическую систему языка. Как отмечает С.И.Карцевский в своей работе «Язык, война и революция» берлинского издания 1923-го года, «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны повому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже говорят о «революции в языке» [217]. Справедливо замечание Н.А.Купиной о том, что «Великая Октябрьская Революция обусловила магистральное развитие русского языка советского периода» [182]. Таким образом, факт революции определил семантическое содержание лексического объема и важнейшие составляющие параметры политического языка.

В научном дискурсе сегодня важны размышления о природе социально обусловленных языковых изменений, составляющих историю русской культуры на всем ее развитии. «В событиях дня сегодняшнего можно видеть действие устойчивых моделей, организующих историю русской культуры на всем ее протяжении. Для России в переломные периоды в качестве механизма развития культуры характерно действие дуальной модели». Такой подход, с позиции действия устойчивых моделей культуры, позволяет изучать изменения в лексике на протяжении не одного этапа, поскольку «наблюдения над историей русской культуры.. убеждают в отчетливом ее членении на динамически сменяющие друг друга этапы.. Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные).. располагаются в двуплюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. Дуальность и отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводило к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» [Китайгородская 2003: 153-154]. Таким образом, по мнению лингвистов, каждый новый этап предполагает переосмысление ценностей и смену политической парадигмы.

Действительно, общественно-политическая лексика формировалась поэтапно под влиянием определенных факторов, условий, закономерностей в развитии языка. Но при этом, на наш

взгляд, не следует разграничивать состав языка дореволюционного и послереволюционного периодов, т.к. его изменения осуществляются постепенно, в результате накопления новых лексических групп, появления новых семантических элементов, а также в процессе отмирания устаревших слов и постепенного построения новых семантико-стилистических связей. Характер, степень интенсивности изменений лексики в разные периоды неодинаковы, они непосредственно связаны с многообразными трансформациями, обусловленными общественно-политическими перестройками. Состояние лексического пространства каждого периода – «момент в цепи его непрерывных изменений» [Сорокин 1965: 20]. С.И.Ожегов справедливо указывает на то, что «те новые явления, которые отражают живые тенденции современности, не появились как феникс из пепла: они порождены всем предшествующим ходом развития языка» [72]. Исследователь говорит о том, что нередко новизна того или иного слова в языке послереволюционного периода была относительной. Поэтому новым назвать слово можно не всегда, т.к. новая лексическая единица возникает на основе предшествующего своего функционирования. Конечно, в переломные периоды истории общественно-политических отношений развитие лексики происходит более интенсивно.

В отечественной лингвистике, как было отмечено выше, высказываются мнения, согласно которым язык не претерпевает существенных изменений при смене общественных отношений. Характеризуя с этой точки зрения систему русского языка в целом, И.А. Стернин считает, что языковая система претерпевает в ряде аспектов существенные количественные, качественные и функциональные изменения, однако не претерпевает каких-либо революционных изменений (тем более ведущих к разрушению или распаду), сохраняя системную и структурную целостность, устойчивый характер функционирования и внутреннюю идентичность [2000: 22]. В каждый период отражаются предшествующие лексико-семантические изменения. Все эти явления очень близки к современным, хотя воспринимаются как новые. По мнению С.И. Ожегова, происходит это потому, что мы располагаем общим представлением о движении словарного состава в тот период, который непосредственно предшествовал революционной эпохе [2000: 72].

На наш взгляд, исследование современного политического словаря с дореволюционным и послереволюционным политическим лексиконном в сопоставлении позволяет изучить и понять многие современные языковые процессы, а также выявить тенденции функционирования языка в политической коммуникации.

Одним из ключевых вопросов политической лингвистики является проблема выделения идеологизированного компонента в структуре политических единиц. Сегодня лингвисты признают тот факт, что в семантику общественно-

политического слова входит идеологический компонент, влияющий на семантику слова (В.И. Говердовский, Т.Б. Крючкова, Н.А. Купина, М.Н. Николаев, А. Нойберт, В. Шмидт). Заметим, что уже в дореволюционный период наблюдается тенденция выделения слоев социальной и идеологически значимой лексики и отмечается, что идеологизированность выступает как особенность политического языка, определяемая господствующими идеологическими установками в стране. Традиционно идеологизированная лексика понималась отечественными лингвистами как политическая (А.Л. Голованевский, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Р.О. Шор). Л.П. Якубинский (1929) пишет о стремительном процессе идеологизации русского языка, отмечая ошибку Ф.де Соссюра, считавшего языковую политику невозможной и ненужной, а языковой коллектив – пассивным по отношению к изменениям языка, привязанным к языку как унаследованной системе и доказывая, что теоретическая проблема перерастает в проблему общественно-политическую [182]. По наблюдениям В.М.Жирмунского (1936), лексика, заключающая идеологический инвентарь языка, может служить показателем языковой стройки нашего времени, а появление новых слов в языке свидетельствует о его идеологической перестройке [103-104]. Предполагаем, что наличие / отсутствие идеологизированного компонента свидетельствует о зрелости развития политического словаря. В работах отечественных лингвистов можно наблюдать выделение стадий, характеризующих зрелость развития общественно-политической лексики: номинация; вхождение в литературный, затем в разговорный язык; национальное освоение. Каждая из стадий соответствует определенному этапу развития идеологии. Так, идеологические настроения влияют на тенденции развития политического словаря.

Таким образом, словарный состав языка наиболее подвержен общественно-политическим, социальным изменениям и идеологическим перестройкам, и особенно это проявляется в составе политической лексики.

Выводы: 1. Общественные процессы начала XX века значительно повлияли на формирование лексической системы языка, выделив в ней политическую лексику как наиболее важный аспект политической коммуникации.

2. Активные семантические процессы в общественно-политической лексике на первом этапе послереволюционной эпохи привели не к созданию нового языка, а к постепенному совершенствованию политического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодуэн де Куртенэ И. Некоторые общие замечания о языковедении и языке.- СПб: Печатня В.И.Головина, 1871.- 38 с.

Голованевский А.Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900-1917 гг. (К проблеме идеологосемантической типологии словарей дореволюционного периода) // Филологические науки, 1986.- №3.- С.25-31.

Жирмунский В. Национальный язык и социальные диалекты.- Л.: Художественная литература, 1936.- 300 с.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995).- 2-е изд.- М.: Языки русской культуры, 2000.- С.90-141.

История России: В 2 т. Т.2. С начала XIX в. до начала XXI века / А.Н.Сахаров, Л.Е.Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; Под ред. А.Н.Сахарова.- М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак»: ООО «Издательство Астрель», 2003.- 862 с.

Карцевский С.И. Из лингвистического наследия.- М.: Языки русской культуры, 2000.- 344 с.

Китайгородская М.В., Н.Н.Розанова. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация.- М.: Языки славянской культуры, 2003.- С.151-239.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня.- М.: Азбуковник, 2000.- С.182-190.

Мещерский Н.А. О некоторых закономерностях развития русского литературного языка в советский период // Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции.- Л.: ЛГУ, 1967.- С.5-30.

Ожегов С.И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания, 1953.- №2.- С.71-81.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926).- М.: Работник просвещения, 1928.- 248 с.

Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный.- Петроград: Типография при Императорской Российской Академии.- 1806-1822. Ч.2. Д-К, 1809.- 1178 с. Ч.3. К-Н, 1814.- 1444 с. Ч.4. О-П, 1822.- 1536 с. Ч.5. П-С, 1822.- 1142. Ч.6. Отъ С до конца, 1822.- 1475 с.

Словарь русского языка.- Петроград: Типография императорской Академии Наук, 1895-1934. Т.1. А-Д, 1895.- 619 с. Т.2.- Вып.1. Е - Железный.- 1897.- 319 с. Т.2.- Вып.3. За - Заграть.- 1899.- 318 с. Т.4.- Вып.5. Когда - Колпак.- 1911.- 317 с. Т.4.- Вып.7. Концепция - Корпунья.- 1913.- 317 с. Т.4.- Вып.8. Корпусистый - Кошнячек.- 1914.- 317 с. Т.4.- Вып.9. Кошоба - Крикунь.- 1916.- 317 с. Т.5.- Вып.1. Л - Лёгкий.- 1915.- 318 с. Т.5.- Вып.2. Лёгкий - Летунок.- 1927.- 317 с. Т.5.- Вып.3. Летунчик - Лисичий.- 1928.- 157 с. Т.6.- Вып.1.- М - Малый.- 1927.- 159 с. Т.6.- Вып.2.- Малый - Маститый.- 1929.- 157 с. Т.8.- Вып.2. Невремя - Недорубщик.- 1929.- 157 с.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX в.- М.-Л.: Наука, 1965.- 568 с.

Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка//Теоретическая и прикладная лингвистика.- Вып.2. Язык и социальная среда.- Воронеж: ВГУ, 2000.- 16 с.

Толковник политических слов и политических деятелей.- Петроград: Освобожденная Россия: Гостип, 1917.- №19.- 96 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика.- Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.- 194 с.

© Бантышева Л.Л., 2007

Бессонова Л. Е.

Симферополь, Россия

НОВЫЕ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Abstract

The author gives a summary of works in the field of political linguistics that have been completed in recent years in the Ukraine. It serves to prove that Ukrainian scholars show great interest and appreciation of political communication. In their investigation they apply a variety of methods, techniques and approaches. Active and eventful political life in the Ukraine today serves as a rich ground for scientific exploration. At the same time a good deal of works is devoted to the totalitarian past and its relapses, as well as

comparative studies of Russian and Ukrainian political discourse.

***

В последние десятилетия в украинской лингвистике наблюдается возросший интерес к политической коммуникации, все чаще появляются лингвополитологические исследования, в которых активно анализируются изменения языка, связанные с бурными политическими событиями в обществе. Трудно сказать, произошло ли сегодня в Украине формирование политической лингвистики как самостоятельного научного направления, что заметно проявилось в российской лингвистике последних лет. Вместе с тем совершенно очевидно, что политический дискурс как объект изучения во многом определяет специфику концепций не только политологических, но и лингвистических исследований украинского научного мира.

Интерес ученых к политической коммуникации выявляется прежде всего в системе когнитивно-дискурсивных, коммуникативных и лингвокультурологических приоритетов. В рамках нового подхода в украинской политической лингвистике выделяется несколько взаимосвязанных направлений, определяемых в соответствии с материалом и методами исследования, а также приоритетными задачами самих лингвистов и материалом для исследования.

Так, один из важных аспектов, связанных с изучением политического языка, – это особенности функционирования языка в тоталитарном обществе, описание стратегий речевого поведения и языкового сознания «человека советской эпохи». Эти вопросы достаточно полно отражены в сборнике статей «Мова тоталітарного суспільства», изданном в 1995 г. (Киев), по материалам международной конференции «Язык тоталитарного общества: лексика, синтаксис, прагматика» [1995]. В работах В.М. Брицисина, Г.М. Яворской, Н.П. Шумаровой, С.С. Ермоленко, Л.Т. Масенко, В.А. Ткаченко рассматриваются структурно-семантические и прагматические характеристики языка советской эпохи. С.С. Ермоленко отмечает, что «тоталитаризм языка как моделирующей системы заключается не в конкретном содержании этой системы, истолковывающей мир в духе некоей тоталитарной идеологии, а в его семиотическом характере...» [Мова... 1995: 9]. Нетрудно заметить, что многие участники конференции были полны надежды на то, что смена дискурсивной парадигмы и демократизация общественной жизни быстро приведут к решению всех проблем.

В русле коммуникативной парадигмы проводится лингвистическое исследование языка СМИ, начатое с середины 1990-х годов группой ученых Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко (руководитель темы – проф. Л.А. Кудрявцева). Основной целью рабочей группы является описание влияния языка СМИ на систему общенационального языка и исследование языковых средств, направленных на усиление воздействующей силы масс-медийных текстов (Л.А. Кудрявцева, Л.П. Дядечко, И.А.